

**БУДЬ
КАК МОРЕ**

ДАРЬЯ ГАЕЧКИНА

Дарья Гаечкина
Будь как море.
Сборник миниатюр

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26107647
ISBN 9785448571336*

Аннотация

В шведском языке есть пословица, звучащая как «Gör som havet – våga». Если перевести её буквально, получится «Будь как море – делай волны». Бессмыслица на первый взгляд, но для шведа вся суть кроется во втором значении слова «våga». «Våga» значит быть храбрым. «Våga» значит осмеливаться. Именно такой я и старалась быть там – когда бросалась в холодную Балтику, в норвежские фьорды и в заповедную глубь дороги на маяк. Именно этому, кажется, и учила меня Скандинавия. Будь храброй. Будь как море.

Будь как море

Сборник миниатюр

Дарья Гаечкина

*И я, как витязь, который горд
коня сохранить, а живот сложить,
честно поплыл и держал Норд-Норд.*

Иосиф Бродский, Письмо в бутылке

*Дизайнер обложки Рыбин Александр
Редактура обложки Полина Стрижова*

© Дарья Гаечкина, 2018

© Рыбин Александр, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-7133-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Я надела голубую рубашку – в цвет неба и отделки кресел.

Уважаемые пассажиры, самолёт готовится к взлёту.

Голос Аманды Бергман в наушниках отдаёт холодком,

будто на лёд постелили бархатный плед. Поднимается солнце; самолёт поводит крыльями, как плечами, и кажется, будто от утренних облаков ему зябко. Тело, на десять тысяч метров оторванное от земли, кажется пустым и лёгким, душа и вовсе истаяла, как медуза, вынесенная на песок, и я решительно настраиваю себя предаться безудержному гедонизму в тот самый момент, когда самолёт опустит нос и коснётся посадочной полосы.

Окунуться в холодное море цвета моей рубашки.

В поезде стоит душный гвалт, много детей, за окнами исполинские ветряки мерно гребут прохладный морской ветер широкими лопастями. Поскольку каждый в вагоне с равной долей вероятности может говорить на датском, шведском или английском языках, объясняем жестами, улыбками, втискиваемся с чемоданами в уголок между стеной и дверью. Вытираю пот с висков ребром ладони. Выуживаю мягкий шведский говор из потока строгой датской речи и, прикрыв глаза, покачиваю головой, как под музыку. По мосту поезд едет гладко, быстро, как твёрдой рукой пущенная стрела.

В Копенгагене допускается два варианта: либо ты – на съёмках фильма про Копенгаген (здесь всё время хочется сказать режиссёру, что в таких домах не живут, потому что они похожи на пряники), либо – действительно в Дании, но тут случается приступ восторженного неверия и во избежание счастливой истерики ты решаешь сходить

за мороженым. В метро неприлично пялишься на надписи и тщетно пытаешься понять, что хуже: уступить место пожилой женщине и прослыть невежественным иностранцем, или не уступить и... прослыть невежественным иностранцем. В поезде на подъезде к Кальмару становится пусто, прохладно и станции объявляют по шведски: до улыбки привычный, мягкий, горловой звук. В кресле напротив Николаина с серьёзным лицом углублена в Солженицына; у неё кудрявые пшеничные волосы, пушащиеся, как перья, и приятное веснушчатое лицо. Она сама такая птичка: энергичная улыбчивая щебетунья. Поджимаю под себя ноги, придерживаю коленкой чемодан и, отрываясь от книги, долго смотрю на простенькие, ровненькие шведские поля. Глаза расслабляются и будто растворяются в их светлом ситцевом море.

В сутках у меня сегодня 25 часов. Слава «Аэрофлоту» и часовым поясам.

По приезде храбро бросаюсь в балтийскую воду с разбега. Забегаю по щиколотки и с верещанием возвращаюсь обратно, как щенок. Волны с презрением обрызгивают мне джинсы и возвращаются в море.

Ишь ты, тепличное растение.

Если сидеть на пирсе и свесить ноги, вода кажется малахитовой и от неё тянет холодом. Плавать в такой могут толь-

ко сумасшедшие или скандинавы. Это очень красиво: рослая, розовощёкая шведка, с волосами белесыми, как мука, с глазами голубовато-прозрачными, в строгом закрытом купальнике, плавно разводит руками в этой малахитовой воде, приподнимает нос и подбородок, смотрит на горизонт. На горизонте серые баржи, затянутые туманом, и маленькие белые треугольники парусов.

Вместо воробьёв у Макдоналдса попрошайничают большие белые чайки; у них серые головы, широкие крылья и пронзительные голоса; то и дело слышится, что кто-то вскрикивает от ужаса, вздрагиваешь, смеёшься, а они косятся своими чёрными масляными глазами.

На улицах кролики. Бурая шубка, ушки прижаты, глаза миндальные, всё, как положено – серыми шариками высыпает на газоны к темноте. Темнеть начинает к половине одиннадцатого. Небо будто расширяется и становится сначала жемчужно-серым, а потом – сразу индиго.

На окне у меня жалюзи, и оттого по утрам пустая маленькая комната вся в солнечную полосочку. Полосочки выхватывают из сонного пыльного полумрака пачки Доширака, термос с захладавшим за ночь кофе, в беспорядке ночью купленный шведский творог (на вкус как крем или сливки), мятую карту и ключи от велосипеда. Велосипеды мы взяли

напрокат на сутки. Велосипедов в городе больше, чем пешеходов. Велосипеды здесь существуют рядами, кучами, парами и поодиночке, прислонённые к стенам – хозяин только что отошёл и сейчас вернётся. Нельзя быть настоящей шведкой, если у тебя нет велосипеда.

Рано утром ветер тянет влагой с моря, сырой, студёной, но солнце уже жарко печёт плечи и тыльную сторону ладони, пока я вслед за Мартином проношусь мимо массивных каменных стен замка, мимо стаи диких серых гусей с красными клювами, мимо пирса, вдоль продрогшего пляжа – прямо, к самой южной оконечности полуострова, где гугл карты сдаются и жалобно просят обновить страницу. Мы останавливаемся и разворачиваем бумажную карту, прихваченную из туристического бюро. Карта хрустит и не слушается от ветра, ветер бьёт резко, плашмя, порывами. Мартин переворачивает кепку козырьком назад, Николина трясёт кудрями и по-детски беззаботно улыбается.

До самого края мыса я добираюсь одна, по щиколотку в нагревшейся на солнце зыбкой травяной топи, первая, гордая, босая, обгоревшая и замёрзшая одновременно – ты ж моё славное северное солнце! Горизонт режет глаза. Стою на огромном скользком валуне, скосолапившись, чтобы не упасть. Гальяунная фигура грудью встречает Балтику.

Отвозя велосипед обратно, держу его за спиной, будто боюсь, что отберут, и прошу продлить аренду на месяц.

Мне сегодня сказали, что я хорошо говорю по-шведски.

Если встать к городу спиной и смотреть на замок, вы с ним остаётесь одни. Замок такой тяжёлый, что чувствуется, как он давит на землю своим каменным телом. Холодные стены метровой толщины пропахли морем, просолились за четырёх лет, и теперь вдоль них бегают дети с волосами цвета льна.

Незадолго до одиннадцати я приезжаю за покупками. На парковке совершенно пусто и мертвенно тихо, только фонари льют на асфальт свой белый свет и шуршат колёса велосипеда. У самого входа дорогу мне перебегают заяц. Он такой большой, что сперва я принимаю его за оленёнка и останавливаюсь. Заяц останавливается тоже – сухопарый, быстрый, настороженный. Мы мгновение смотрим друг на друга: ночь, холод, ветер с моря, пустая парковка. Потом он исчезает.

Я ещё немного пялюсь на то место, где он только что стоял.

По дороге домой сворачиваю к морю. Город глубоко, спокойно спит. Вдоль замка разгоняюсь на пустых аллеях под густыми кронами, в корзинке велосипеда трясутся спаржа, селёдка и помидоры. Колёса слетают с асфальта и шуршат по гальке. Море дышит в темноте: неспешно, раскатисто. Свет с деревянного пирса тут же гаснет в холодной тёмной воде.

Закрываю глаза и стою долго.

Я восхитительно запустилась за неделю. Моё лицо отвыкло от того, чтобы его чем-то мазали. Нос облуплен, глаза красноватые от беспрестанного, крутого ветра. Веснушки. Заросшие брови. Тыльная сторона ладони обгорела неровно и некрасиво, как у всех здесь, кто с утра до ночи не слезает с велосипеда. Никаких мешков под глазами. Набрала обратно свои килограммы. Много сплю днём, много гуляю по темноте, много медитирую под тяжёлыми стенами замка, прикрывающими от моря мою неподвижную фигуру в жёлтой кофте. Много сижу на пирсе. Волны холодно дышат в мои подошвы.

Чайки над крышами: я всё никак не перестану удивляться. Мой будильник давно отключён, телефон не выходит из тишины беззвучного режима. Существование неторопливое и обволакивающее, как тёплый туман. Часто езжу в магазин и бесстыдно предаюсь пищевому гедонизму. Кокосовое масло и яблоки. Свежий сладкий хлеб, морская рыба в алюминиевых банках, густые йогурты, в которых стоит чайная ложка, свежемолотый кофе и жирное молоко. Наслаждение тем, как, крошась, ломается хлеб и кофе льётся в чашку.

Темнота приносит с собой тяжёлую стужу. Надеваю оба имеющиеся свитера, наливаю какао в термос, хватаю с крюч-

ка ключи от велосипеда. Шины шуршат на тихой улице, на дороге врассыпную бросаются маленькие бурые кролики с белыми хвостами-пумпончиками. Переднее колесо рассекает ледяную тягучую темноту. Мартин ждёт на велопарковке у городской библиотеки, в пятне света от фонаря; накинув капюшон, пытается включить у велосипеда передний свет. Я сходу сообщаю, что, по моим соображениям, мы оба, вероятно, crazy; он смеётся и разворачивает руль.

– This way.

Едва не съехав в темноте на лестницу, оставляем велосипеды и спускаемся вниз. Доски пирса влажные, холодные, зыбкие. Слышно каждую нотку голоса, каждый оттенок неуловимых интонаций, каждый плеск воды о серый песок. Здесь никогда не делается совсем темно. Свет будто гнездится на западе, между землёй и морем, изжелта-рыжий, тёплый, ждёт рассветного часа; фонари отражаются в воде, глубоко синей, шёлковой, мажут по ней золотыми пятнами. Луна прямо над пирсом. Стынь висит над водой.

Где-то справа хлопает крыльями утка.

Выходим из автобуса на маленькой остановке посередине трассы. Жарко. Насколько хватает глаз – поля, ровно стриженные, прямо раскрытые жёлтые и зелёные лоскутки. От ветра по ним пробегает беспорядочная рябь. Асфальт ка-

лѐный, разметка размягчилась от солнца. Вынимая велосипеды из багажного отделения, водитель с сочувствием интересуется, как мы собираемся попасть обратно на большую землю. No idea, говорю я. Жму на педали. Пролетающие мимо машины, как жуки, обдают жаром, пылью и стрѐкотом. Николина доверяет мне, счастливо улыбается и поднимает к сатиновому небу лицо, Мартин хмурится и тербит козырёк у бейсболки. Мартин – швейцарец. У швейцарца не может не быть плана. Швейцарец всегда должен знать, куда мы едем, по какой конкретно дороге, во сколько планируем прибыть и во сколько – остановиться на ланч. В его понимании мы, вероятно, если не crazy, то совершеннейше bold. Дорога – кочки да камни, в корзинке велосипеда подпрыгивает зелёный рюкзак, по сторонам пятнистые коровы топчут копытами пѐстренькую, мягкую полевую траву. Солнце горячо жарит руки, щѐки и лоб, и тут же северный ветер норовит выхолодить грудь, и никак не привыкнуть, что ты здесь всегда – между жаром Сциллы и холодом Харибды. Разгоняюсь на спусках, нахожу старую ветряную мельницу с застывшими крыльями и забираюсь внутрь; пахнет старьѐм и пылью, трещит посеревшая от времени деревянная лестница.

Покупаем у местных клубники; на четыре монетки по десять крон – коробочка сочащихся ягод. Таблички «Цветы» и «Экологичная клубника» здесь пишут вручную на белых картонках. Едим сразу, пачкаем липким соком руки и рот. Пожилая полячка в белом платке смотрит на нас и смеѐтся.

У шведов большие светлые теплицы с запотевшими стенами. Узнавала дорогу у красивой шведки в рабочих перчатках и с коленками, выпачканными в земле.

Она не перешла на английский.

Клубникой объедаемся прежде, чем приезжаем в порт; синеглазые дети с льняными волосами плещутся в воде пятнадцать с половиной градусов Цельсия. Вода здесь, на острове, светлая, с крупными, полными волнами. Стелем плед на крутых, пористых прибрежных валунах и достаём припасённую еду, глядя на режущий глаза, сверкающий залив и Эресуннский мост.

На пароме, идущем на большую землю, плещется шведский флаг.

Моё любимое время суток – когда перед закатом небо становится цвета голубой эмали. Матовое, пастельное, оно поднимается вверх и светлеет, светлеет, чтобы потом резко опуститься в темноту. Я лечу по набережной, и по ветру за мной плещется чёрный шарф. Горло продуло, и теперь я похожа на Остапа Бендера с загорелым лицом. Трава холодеет, становится бледнее на два оттенка, и из неё маленькими головками тянутся к небу простенькие белые цветы. Руки у меня липкие от яблочного сока, внутри прохладно и пусто. Самолёт, над тем местом, где только что село солнце, оставляет

на небе золотистый, пламенный след. Ветра совсем нет и вода, серебристая, как ртуть, отражает длиннокрылые силуэты чаек. Они падают на воду, взрывают её крыльями, беспокоят, а потом бесшумно качаются на месте.

Я то отпускаю руль велосипеда и лечу с горы в золотисто-жёлтом море роскошных шведских полей, то уезжаю на маленький свежеструганный пирс далеко за Långviken и, невидимая в густых и плотных зарослях камыша, часами вытягиваю в себя море через глаза.

Я совсем мальчишка. На ногах живого места нет. Острая коричневая полоса загара ровно по коленки – там, где заканчивается платье. Совсем перестала беречься. С каким-то упрямым упорством лезу в студёную воду, бегаю по стенам замка, по самой кромке, пошатываясь и по-птичьи раскинув руки. Будто стала шире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.